

- гуманитарного знания : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, 19 марта 2010 г. / науч. ред. Е. А. Гриднева ; Нижегород. филиал НИУ ВШЭ. Н. Новгород, 2010. С. 115—117.
8. *Радина Н. К., Никитина А. А.* Возможное влияние женщин как гендерной группы на трансформации мужской идентичности // *Женщина в российском обществе.* 2011. № 2. С. 78—87.
  9. *Радина Н. К., Шайдакова Н. В., Мохнаткина И. Н.* Демонстративное потребление современных подростков: социально-психологические особенности // *Социальная психология и общество.* 2013. № 1. С. 52—66.
  10. *Фенько А. Б.* Психологический анализ отношения москвичей к деньгам // *Психологический журнал.* 2004. № 2. С. 34—42.
  11. *Шайдакова Н. В.* Гендерные аспекты психологии потребительского поведения: анализ «демонстративного потребления» женщин // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 2. С. 49—52.
  12. *Шайдакова Н. В., Радина Н. К.* Гендерный анализ демонстративного потребления // *Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее : материалы Шестой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 3—6 октября 2013 г., Нальчик / Кабардино-Балк. гос. ун-т. Нальчик, 2013. Т. 2. С. 25—27.*
  13. Beyond by Lexus. 2013—2014. № 2. URL: http://content.lexus-russia.ru/pdf/magazine/Lexus_winter_2013.pdf (дата обращения: 21.01.2014).
  14. Blatant benevolence and conspicuous consumption: when romantic motives elicit strategic costly signals / V. Griskevicius, J. M. Sundie, G. F. Miller, J. M. Tybur, R. B. Cialdini, D. T. Kenrick // *Journal of Personality and Social Psychology.* 2007. № 93 (1). P. 85—102.
  15. Peacocks, porsches, and thorstein veblen: conspicuous consumption as a sexual signaling system / J. M. Sundie, D. T. Kenrick, V. Griskevicius, J. M. Tybur, K. D. Vohs, D. J. Beal // *Journal of Personality and Social Psychology.* 2011. № 100. P. 664—680.

ББК 88.323

Н. А. Цветкова

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОДИНОКИХ ЖЕНЩИН, ОБРАЩАЮЩИХСЯ ЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩЬЮ

Одинок не тот, кто один,
а тот, кто чувствует себя одиноким.
А. Моруа

Несмотря на довольно многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых и вполне убедительные научные концепции, объясняющие одиночество как социально-психологический феномен (см., напр.: [4, 5, 6, 10, 11, 14]), женское одиночество в России исследовано недостаточно, в частности, не изучались личностные особенности женщин, обращающихся за психологической помощью по поводу отсутствия в их жизни любимого мужчины. Под женским одиночеством понимается межличностное одиночество (см. классификацию

У. А. Садлера и Т. Б. Джонсона [6, с. 30—33]) россиянок как переживание человеком женского пола отсутствия или недостатка интимной связи со значимым для него человеком мужского пола.

Известно, что российские женщины страдают от женского одиночества в силу целого ряда причин, как объективного (см., напр.: [5, 11, 12, 15]), так и субъективного характера (см., напр.: [1, 7, 11, 13, 14]). Объективно (согласно данным мировой статистики, например Демографического ежегодника Организации Объединенных Наций) Россия лидирует в списке стран с самым высоким числом разводов. Объективно женщин в России, как и во всем мире, больше, чем мужчин, и женщины живут здесь в среднем дольше на 11 лет, чем мужчины (в государствах с высоким уровнем жизни эта разница составляет не более 5 лет). Последнее означает, что редкая взрослая россиянка не столкнулась или не столкнется с ситуацией одиночества в течение своей жизни. Женское одиночество в России — это социальная проблема уже потому, что брачный союз здесь по-прежнему остается преобладающей формой отношений мужчин и женщин (как и в большинстве развитых и развивающихся стран мира), а россиянки хоть и все чаще предпочитают карьере семье, однако в перспективе видят себя в браке; наличие семьи в гендерной этике России по-прежнему является критерием (не)успешности жизни женщины.

Установлено, что в отличие от мужчин женщины по своей природе более чувствительны и эмоциональны, поэтому более болезненно переживают одиночество. И если мужчина может ослабить душевную боль с помощью другой женщины, то женщине для этого нужна другая любовь.

Хотя женское одиночество в России является малоизученным, однако существуют предпосылки для его более глубокого анализа: выявлена взаимосвязь уровня переживаемого одиночества с возрастными и гендерными характеристиками людей; обнаружен и объяснен более высокий уровень чувства одиночества у женщин, установлена тенденция к обострению чувства одиночества у мужчин по мере взросления [4]; доказана связь между одиночеством и самооценкой (однако пока мало понятен характер этой связи, поскольку «низкая самооценка может выступать и как причина, и как следствие одиночества» (см.: [10, с. 43—48]); выделены типы женщин с риском одиночества в зависимости от того, как они выстраивают свои взаимоотношения с мужчинами [1]; разработана модель женского одиночества и выделены типы субъективного восприятия одиночества женщинами: «негативно-пассивный», «негативно-активный», «позитивно-пассивный», «позитивно-активный» [13]; предпринимаются попытки выявить особенности индивидуальности одиноких женщин [8], предлагаются программы их социально-психологического сопровождения (см., напр.: [1, 7, 13]).

В целом существующие научные исследования одиночества женщин в России и опыт работы практических психологов с одинокими женщинами дают основания рассматривать женское одиночество как многокомпонентный социально-психологический феномен, имеющий определенную структуру (совокупность объективных и субъективных причин, типов, форм, видов переживания, а также стратегий совладания) и связанный с самооценкой.

Предметом нашего исследования явились личностные особенности женщин, обратившихся за психологической помощью в период 2007—2014 гг. с за-

просом об избавлении от женского одиночества. Выборку составили 58 женщин — 29 жительниц Пскова и 29 жительниц Санкт-Петербурга в возрасте от 22 до 53 лет (средний возраст — 39,7 лет).

Из них на момент обращения за помощью 34 (59 %) были разведенными, 24 (41 %) — незамужними и не имевшими опыта жизни в гражданском браке, 7 (12 %) из которых являлись матерями-одиночками. Занимались педагогической деятельностью 20 женщин (35 %), социальной работой — 17 (29 %), юриспруденцией — 8 (14 %), медицинские работники составляли 7 человек (12 %), женщины других профессий — 6 человек (10 %). Имели ученую степень 3 женщины (5 %), высшее гуманитарное образование — 46 (79 %), высшее техническое — 9 (16 %). Воспитывались в полной семье 37 женщин (64 %), в неполной материнской семье — 14 (24 %), в полной семье от повторного брака одного или обоих родителей — 7 женщин (12 %).

Их обращению предшествовало событие, осложнившее им жизнь. Категоризация их трудных жизненных ситуаций (ТЖС) по типу объективной сложности [9] показала следующее: оказались в ТЖС I типа (ситуации, когда возможно восстановление привычного хода жизни) 25 женщин (неприятности обыденной жизни — у 11 женщин; ТЖС в нормальном жизненном цикле — у 14 женщин); находились в ТЖС II типа (разрыв жизненного пути) 33 женщины (ТЖС выживания или слома — у 31 женщины; тяжелые утраты в нормальном жизненном цикле — у 2 женщин). Экстремальные ситуации не установлены. Эти женщины пришли к выводу, что их главная проблема — проблема женского одиночества, причину которого они хотели выявить и устранить.

Сразу отметим, что изначально проблема одиночества практически каждой женщиной озвучивалась как *отсутствие стабильных любовных отношений с мужчиной*, однако в процессе последующих бесед выяснялось, что под этим женщины понимают отсутствие такого мужчины, который улучшит их жизнь (повысит социальный статус, обеспечит материально, будет заботиться), избавит от лишних тягот («вдвоем легче...»), доставит удовольствие (хороший сексуальный партнер), будет понимающим и верным («будет с кем поговорить»).

Личностные особенности клиенток выявлялись в процессе консультирования с помощью следующих методик: 1) теста самооценки (В. Волкова); 2) диагностики уровня личностной фрустрации (В. В. Бойко); 3) диагностики уровня социальной фрустрированности (Л. И. Вассерман); 4) диагностики доверия (шкала Розенберга); 5) диагностики враждебности (шкала Кука-Медлей); 6) диагностики принятия других (шкала Фейя и его адаптированный автором вариант для определения различий в принятии женщинами женщин и мужчин); 7) теста К. Роджерса и Р. Даймонда «Социально-психологическая адаптация» (СПА); 8) метода незаконченных предложений и метода толкования определений для установления уровня осведомленности в «женском вопросе» [12]; 9) диагностики коммуникативной толерантности (тест В. В. Бойко, адаптированный автором для определения различий в отношениях женщин к мужчинам и женщинам); 10) диагностики реализации потребности в саморазвитии (Н. Н. Фетискин и др.); 11) теста С. Бем по изучению полоролевого поведения [16]; 12) Миннесотского многофакторного личностного опросника (СМОЛ, женский вариант); 13) теста Э. Берна «Взрослый», «Дитя», «Родитель»; 14) методики изучения самосознания и социальных ролей М. Куна и Т. Маркпартленда «Кто Я?».

Кроме того, у этих женщин определялись: а) сформированность понятия «семья» и способность разграничивать понятия «моя семья» (МС) и «семья моих родителей» (РС) с помощью теста «Семья в круге» Э. Г. Эйдемиллера и построения геносоциогаммы семьи; б) субъекты карательной педагогики в родительской семье; в) эмоционально близкий член семьи (МС и РС).

Поскольку существенных различий по исследуемым показателям между обеими группами (группой псковитянок и группой петербурженок) не выявлено, постольку ниже мы представляем результаты обследования всех 58 женщин*. Данные по ряду замеряемых параметров сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Распределение женщин по уровням развития личностных особенностей

Личностные особенности	Уровень выраженности, количество женщин			Среднее значение показателей по группе в целом, баллы
	высокий	средний	низкий	
Самооценка	32	26		0,72 (высокий)
Личностная фрустрация		9	49	3,0 (низкий)
Социальная фрустрированность		8	50	1,4 (низкий)
Доверие к людям	20	22	16	2,0 (средний)
Враждебность, в том числе:		58		15,8 (средний с тенденцией к низкому)
цинизм	7	51		50,0 (средний с тенденцией к высокому)
агрессивность		58		33,7 (средний с тенденцией к высокому)
Принятие других (по шкале Фейя):				
мужчин	5	53		54,4 (средний с тенденцией к высокому)
женщин	11	47		55,9 (средний)
СПА:				
самопринятие	8	42	8	65,9 (средний)
принятие других		58		62,6 (средний)
эмоциональный комфорт		53	5	57 (средний с тенденцией к низкому)
интернальность	9	49		66,9 (средний)
доминирование		48	10	54,8 (средний с тенденцией к низкому)
адаптация		52	6	55,6 (средний с тенденцией к низкому)
Компетентность в «женском вопросе»	37	21		2,6 (высокий)

* Автор выражает благодарность К. Е. Лагвилава за помощь при компьютерной обработке результатов.

Таблица 1 показывает, что женщины, жалующиеся на одиночество, имеют высокую самооценку, высокий уровень компетентности в «женском вопросе», низкий уровень личностной фрустрации и социальной фрустрированности. Остальные изучаемые показатели находятся в пределах средних значений. Однако стоит обратить внимание на показатели «адаптация» и «эмоциональный комфорт» (они имеют тенденцию к низкому уровню, равно как доминирование и враждебность), а также показатель цинизма — он с тенденцией к высокому уровню. Женский цинизм — это безверие, бездуховность, сформировавшиеся под воздействием фрустрирующих жизненных обстоятельств и психотравмирующих межличностных отношений с мужчинами (каждая маленькая девочка мечтает о большой любви... но с возрастом все большее число женщин сомневается в ее существовании — либо вообще, либо для себя).

В структуре теста СПА есть шкала лживости и эскапизма. Уровень лживости (по тесту СПА) находится в пределах нормы у 56 женщин (97 %) и выявлен как сформировавшееся качество личности (так называемый первый грех Евы) лишь у 2 женщин (3 %). Однако среднее значение этого показателя — 32,7 балла, что свидетельствует о склонности женщин данной группы ко лжи (верхняя граница нормы 36 баллов). Известно, что это качество определяется как преднамеренное искажение действительности в целях избежания неприятных последствий. В детские годы оно формируется в условиях многочисленных неоправданных запретов и суровых наказаний. Эскапизм — это избегание проблем. Как выяснилось, он несвойствен 24 обследованным женщинам (41 %) и находится на уровне ниже нормы (меньше 10 баллов) у 34 (59 %) женщин. Среднее значение по группе в целом — 10,5 балла, что означает наличие тенденции преувеличивать проблемы и брать на себя трудности других, перехватывать ответственность.

Результаты диагностики коммуникативной толерантности показали: а) коммуникативную толерантность к женщинам имеют 35 человек (60 %), 23 женщины (40 %) интолерантны. Среднее значение по группе в целом — 43,4 балла, что означает коммуникативную толерантность (граница нормы этого показателя до 45 баллов); б) коммуникативную толерантность к мужчинам имеют 20 женщин (34,5 %), 38 женщин (65,5 %) интолерантны к ним (среднее значение по группе — 49,8 балла, что свидетельствует об интолерантности). Таким образом, женщины, жалующиеся на одиночество, принимают мужчин в меньшей степени, чем женщин (см. данные по шкале Фейя), но в то же время интолерантны (нетерпимы) к ним.

Диагностика потребности в саморазвитии говорит о высоком уровне выраженности этого показателя у всех 58 женщин (100 %). Тест С. Бем по изучению полоролевого поведения показал, что все 58 женщин андрогинны.

Диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника ММРІ (СМОЛ) позволила составить личностный профиль типичной клиентки, обращающейся с запросом о помощи в избавлении от женского одиночества.

Диаграмма (рис. 1) отображает личностный профиль, близкий к профилю психически здоровых людей. Значения показателей L (49), F (46), K (47) указывают на некоторую степень склонности ко лжи, поиску социального одобрения, осторожности и неосознанному контролю поведения. Пик на шкале гипомании

предполагает такие личностные свойства, как беззастенчивость, недружелюбное отношение к окружающим, ненадежность моральных установок. Второй пик (на шкале истерии) свидетельствует о хорошей социальной приспособляемости, широком круге интересов, живости, богатом воображении, но также и о нетерпеливости, раздражительности, склонности жаловаться на болезненное состояние, трудности приобретения авторитета в семье. И в целом этим женщинам присущи истероидные черты в поведении. Их высокая самооценка может отличаться от той оценки, которую дают им окружающие.

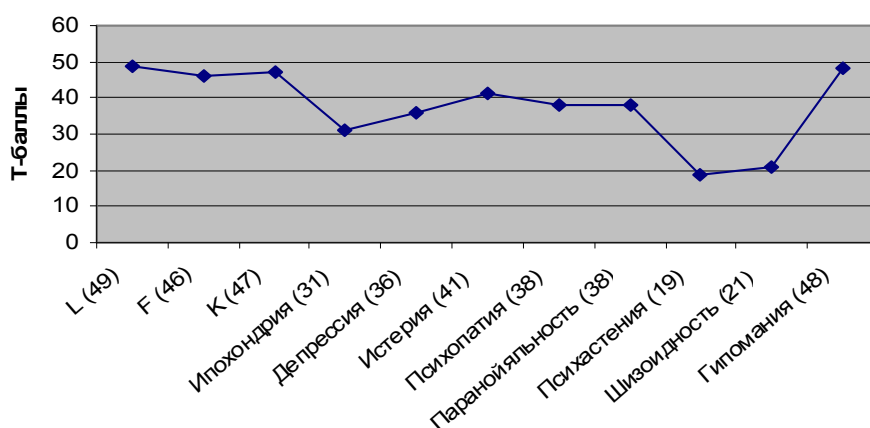

Рис. 1. Личностный профиль типичной женщины, жалующейся на женское одиночество

Результаты, полученные с помощью теста «Взрослый», «Дитя», «Родитель» Э. Берна, позволили наглядно представить структуру личности женщины в зависимости от ролевой позиции, занимаемой ею в межличностных отношениях.

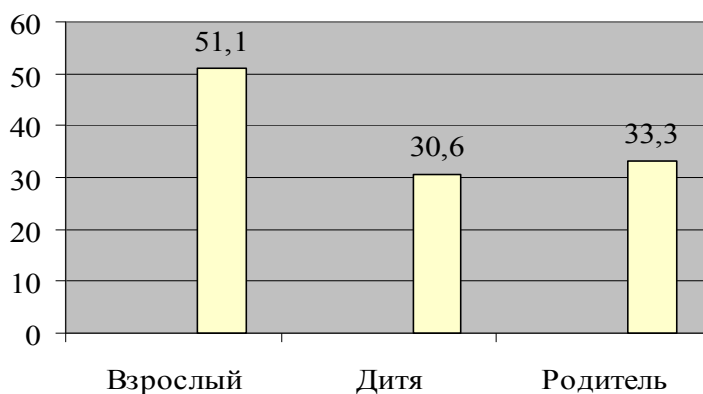

Рис. 2. Структура личности типичной женщины, жалующейся на женское одиночество, в зависимости от ролевой позиции в межличностных отношениях «Взрослый», «Дитя», «Родитель»

Диаграмма (рис. 2) иллюстрирует следующие тенденции: а) преимущественное развитие эго-состояния «Взрослый» по сравнению с эго-состояниями «Родитель» и «Дитя», что является нормой; б) зажатость эго-

состояния «Дитя» между относительно более развитыми эго-состояниями «Взрослый» и «Родитель». Это означает скованную творческую инициативу «внутреннего ребенка», заблокированное самовыражение и, как следствие, проблемы аутентичности. Очевидно, что одинокие женщины имеют деформированную структуру личности (нормативной считается структура: «Взрослый», «Дитя», «Родитель»).

Таким образом, есть основания утверждать, что около 80 % женщин, обращающихся за психологической помощью с запросом об избавлении от женского одиночества, имеют нарушенную структуру личности, занимают неадекватную ролевую позицию в межличностных отношениях. Нормативный вариант структуры личности выявлен лишь у 11 женщин (19 %).

Методика определения особенностей самосознания личности и социальных ролей М. Куна и Т. Маркпартленда «Кто Я?» позволила выявить те гендерные роли, которые большинство женщин (50 чел. — 86 %) исполняли неосознанно, зачастую деструктивно и саморазрушительно. Среди них чаще других не осознавались: роль экс-супруги — 30 женщин (88 %) из 34 разведенных; дочери — 9 женщин (16 %) из 58; сватья — 4 человека (24 %) из 17 женщин, имевших женатых сыновей и замужних дочерей; 8 женщин (14 %) не справились с заданием — в ответ на вопрос «Кто Я» они представили ассоциации (например, добрая, трудолюбивая...), что можно считать одним из признаков их социальной дезадаптации. Не осознавать роль экс-супруги для женщины означает бессознательно оставаться женой (на самом деле одинокой женщиной, демонстрирующей поведение замужней), тогда как принятие статуса разведенной женщины открывает перспективу нового любовного союза с мужчиной. Если дочь не осознает себя дочерью своей матери, она может наращивать силу эго-состояния «Родитель» в структуре личности и личностно деформироваться или может прийти к выводу, что она «дочь никого», а это приводит к расстройству психики [8]. Недооценка женщиной роли сватья оборачивается для ее детей, стремящихся создать свои семьи, большими трудностями на пути реализации этой цели.

Сформированность понятия «семья» и способность разграничивать понятия «моя семья» и «семья моих родителей» обнаружены лишь у каждой второй женщины, жалующейся на одиночество. 28 (48 %) из 58 женщин употребляли понятие «моя семья», но не в состоянии были представить, кто является ее членами (смешивали контексты своей семьи и семьи своих родителей).

Анализ ситуаций воспитания этих женщин в родительских семьях позволил установить, что лишь по отношению к 7 из них не применялись методы карательной педагогики, т. е. их не наказывали физически. Субъектами карательной педагогики для остальных 52 женщин в их родительских семьях выступали мать (43 женщины — 74 %) и бабушка (8 женщин — 14 %).

Смогли установить эмоциональную близость в родительской семье с братом или сестрой 11 женщин (19 %), с матерью — 9 женщин (16 %), с отцом — 5 женщин (9 %). У остальных 33 женщин были выявлены различные затруднения в установлении эмоционально близких отношений с кем-то из членов родительской семьи: неадекватная близость членов семьи (симбиотическая семья) обнаружена в семьях 9 женщин (16 %); отсутствие эмоциональной близости (эмоциональное отчуждение в родительской семье и сближение

с кем-то вне ее) — 9 женщин (16 %); проблемы идентификации со своей родительской семьей — у 15 женщин (26 % женщин не изобразили себя в кругу родительской семьи).

Установлено также, что в своих собственных семьях обследованные нами женщины решили проблему эмоциональной близости следующим образом: были эмоционально близки с ребенком — 20 женщин (34 %); жили в симбиотической семье — 15 женщин (26 %), не имели в своей семье эмоционально близкого человека, но имели эмоциональную близость вне семьи — 5 женщин (9 %); 16 женщин (28 %) не идентифицировали себя в своей семье (не изобразили себя в кругу своей семьи).

Кластерный анализ полученных данных позволил представить всю выборку следующим образом:

— *кластер 1 («отчаявшиеся»)* — 22 женщины (38 % всей выборки). Женщины этого кластера имеют более высокую степень сложности ТЖС, большее количество разводов, более высокий уровень социальной и личностной фрустрированности, более низкую самооценку; более высокую степень лживости, низкий уровень адаптации, самопринятия, эмоционального комфорта, относительно высокий уровень доминирования; являются выходцами из неполных семей или семей от повторного брака одного или обоих родителей; в межличностных отношениях чаще занимают ролевую позицию «Родитель». При этом у них более высокий уровень принятия женщин, чем мужчин; низкий уровень враждебности, цинизма и агрессии; высокий уровень саморазвития; низкий уровень эскапизма (есть склонность преувеличивать проблемы, брать на себя тяготы других); низкий уровень развития эго-состояния «Дитя» в структуре личности (что означает дефицит проявления непосредственности и креативности), низкий уровень гипомании (проявления активности) при низком уровне психастении (нервной слабости) и, как следствие, тенденция к депрессии;

— *кластер 2 («малоопытные»)* — 32 женщины (55 %). В этом кластере оказались молодые женщины, незамужние или имевшие один брак, затрудняющиеся в определении понятий «семья», «семья моих родителей», «моя семья»; относительно менее осведомленные в «женском вопросе», с низкими уровнями социальной фрустрации и личностной фрустрированности, доверия к людям, принятия других, особенно мужчин; относительно менее склонные к лжи для адаптирования, с низким уровнем интернальности, более склонные к эскапизму (избеганию проблем), с низким уровнем развития эго-состояния «Взрослый» в структуре личности, не склонные к депрессии, психопатии, паранойальности. При этом у них высокий уровень коммуникативной толерантности (и к мужчинам, и к женщинам), высокая самооценка, высокий уровень адаптации, самопринятия, эмоционального комфорта; они склонны к саморазвитию;

— *кластер 3 (женщины с личностными нарушениями)* — 4 женщины (7 %). В этом кластере оказались клиентки, имеющие деформированную структуру личности. У них не только высокий уровень враждебности, цинизма, агрессии, но и высокие показатели по тесту СМОЛ (заметно выше нормативных значе-

ний). Они больше нуждались в психотерапевтической помощи, нежели в психологическом консультировании по проблеме женского одиночества.

Факторный анализ полученных нами данных позволил выявить семь факторов женского одиночества обследованной группы женщин.

1. *Личностно-ситуационный фактор*. Его составляют переменные: возраст, тип ТЖС, осведомленность в «женском вопросе», уровень социальной фрустрированности, доверие к людям, коммуникативная интолерантность к мужчинам, цинизм, самооценка, адаптация, самопринятие, эмоциональный комфорт, ролевая позиция «Взрослый» в межличностном общении. Высокий показатель возраста и большая степень сложности ТЖС сочетаются с высоким уровнем осведомленности в «женском вопросе», высоким уровнем социальной фрустрированности и одновременно — доверия к людям, интолерантностью к мужчинам, слабовыраженным цинизмом, низкой самооценкой, низкой адаптивностью, низким уровнем самопринятия и эмоционального комфорта при высоком уровне развития эго-состояния «Взрослый» в структуре личности.

2. *Фактор воспитания*. В него вошли переменные: паранойяльность, ролевая позиция в межличностных отношениях «Дитя», интернальность, принятие других, лживость (по СПА), враждебность, сформированность понятия «семья», наличие субъектов карательной педагогики. Обнаружено, что у тех женщин, для которых субъектом карательной педагогики в родительской семье выступала бабушка, сформировано понятие «моя родительская семья», но не сформировано «моя семья»; у них низкая враждебность, высокая склонность ко лжи, низкий уровень принятия других, интернальности, паранойяльности, слабый уровень развития эго-состояния «Дитя» в структуре личности.

3. *Фактор адаптивности*. Он включает переменные: шизоидность, психастения, ипохондрия, низкий уровень доминирования, коммуникативная интолерантность к женщинам, эскапизм. По этому фактору обследованные женщины характеризуются как интолерантные, но недоминантные, склонные к уходу в болезнь, имеющие высокие показатели по шизоидному, психастеническому и ипохондрическому типам личности.

4. *Фактор «родительская семья»*. Сюда вошли переменные: гипомания, ложь (по СМОЛ), агрессия, уровень личностной фрустрации и тип родительской семьи. Одинокие женщины из полных семей более склонны ко лжи и поиску социального одобрения; у них низкий уровень гипомании (активности), агрессии, личностной фрустрации.

5. *Фактор «представления о семье»*. Фактор составили переменные: депрессия, истерия, психопатия, (не)принятие других (мужчин, женщин), (не)сформированность понятия «моя семья». Одинокие женщины со сформированным понятием своей семьи характеризуются более высоким уровнем принятия других (как мужчин, так и женщин) при более низких показателях по параметрам «депрессия», «истерия», «психопатия».

6. *Фактор эмоционального центрирования на ребенке*. Сюда вошли переменные: эго-состояние «Родитель» в структуре личности, эмоционально близкий член собственной семьи, количество браков. Жалующиеся на одиночество женщины, имеющие детей, эмоционально более близки с ними, но не занимают по отношению к ним ролевую позицию «Родитель», а ведут себя

как «Дитя», т. е. являются «слабыми» матерями. Это означает, что одинокая россиянка ищет себе не партнера — взрослого мужчину с высоким уровнем развития эго-состояния «Взрослый» в структуре личности, а мужчину — «большое Дитя».

7. *Фактор саморазвития.* Он представлен такими переменными, как саморазвитие и эмоционально близкий член родительской семьи. У тех женщин, кто был эмоционально близок с одним из родителей, уровень саморазвития выше, чем у тех, кто был эмоционально близок с кем-то из сиблингов или другими людьми. Возможно, это объясняется количеством членов в родительской семье: женщины из больших семей менее склонны к самостоятельному развитию.

Выявленные нами факторы представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты факторного анализа

Фактор	Дисперсия фактора, %	Суммарно, %
Личностно-ситуационный	23,185	23,185
Воспитание	17,224	40,409
Адаптивность	14,479	54,887
Родительская семья	13,030	67,917
Сформированность понятия «семья»	12,714	80,632
Эмоциональное центрирование на ребенке	8,538	89,170
Саморазвитие	8,276	97,446

В целом типичная клиентка психолога с запросом об избавлении от женского одиночества — это андрогинная женщина в возрасте около 40 лет с личностным профилем, свидетельствующим о нормативном варианте развития личности; с достаточно высоким уровнем саморазвития и осведомленности в «женском вопросе»; с низким уровнем личностной фрустрации и социальной фрустрированности, склонная доверять людям; невраждебная, но с изрядной долей цинизма и агрессивности; не лишенная эгоцентризма и настойчивости; эмоционально незрелая; с невысоким уровнем социально-психологической адаптации; со склонностью ко лжи и поиску социального одобрения, преувеличивающая свои проблемы и перехватывающая ответственность; с коммуникативной толерантностью к женщинам и коммуникативной интолерантностью к мужчинам; позволяющая себе избавляться от трудностей путем «ухода в болезнь», стремящаяся обратить на себя внимание, ждущая восхищения; как правило, активная, деятельная, энергичная, с приподнятым настроением независимо от обстоятельств; занимающая неадекватную ролевую позицию в межличностном общении («Родитель» — с мужчинами и «Дитя» — с собственными детьми) и закономерно имеющая проблемы в этой сфере. Ее высокая самооценка может значительно отличаться от оценки, которую дают ей окружающие и которую (обычно низкую) имеют одинокие женщины, если судить по исследованиям других авторов (см., напр.: [1, 10, 13, 17]). Часто это женщина,

в детстве физически наказываемая матерью; имеющая опыт эмоциональной близости преимущественно с сиблингом, реже — с матерью, совсем редко — с отцом; начавшая самостоятельную жизнь с несформированным понятием «семья» и неспособностью разграничить понятия «моя семья» и «семья моих родителей»; эмоционально близкая с собственным ребенком.

Однако данная группа клиентов психолога не является однородной: в ней выделяются три типа одиноких женщин — «отчаявшиеся», «малоопытные», «женщины с личностными нарушениями». Различия между ними довольно значительные, и их необходимо учитывать в процессе консультирования, а также при организации групповой работы с женщинами.

В заключение отметим: то, как женщины реагируют на женское одиночество — враждебностью или депрессией, смирением или поиском профессиональной помощи в избавлении от него, зависит от их собственных объяснений причин отсутствия желанного мужчины в их жизни. Поэтому психологу важно определить каждый из трех компонентов личностного объяснения одиночества: 1) конкретное событие, повлекшее за собой женское одиночество; 2) постоянные причины женского одиночества (характеристики личности, например стеснительность) или ситуации («Здесь нет мужчин»); 3) возможные позитивные способы избавления от женского одиночества (новые знакомства или большая интимность существующих взаимоотношений).

Главное — помочь одинокой женщине избежать самоуничтожения. По этому поводу Д. Милнер написал: «Сказать: “Я одинок” — значит, признать, что ты, по существу, неполноценен, что ты никем не любим» (цит. по: [10, с. 15]). Женщины, о которых идет речь в этой статье, признали себя одинокими... Но признание проблемы — уже половина ее разрешения. Задача консультанта — содействовать укреплению чувства личного контроля женщины над ее социальными связями, а также выбору оптимальной стратегии совладания с женским одиночеством. Этими стратегиями могут быть: 1) изменение личной ситуации методами оптимизации социальной сети; 2) изменение отношения женщины к ситуации одиночества (вместо «За что мне это?» поставить вопрос «Для чего мне это нужно?»); 3) самоизменение (коррекция самооценки, саморазвитие, самосовершенствование и личностный рост).

Библиографический список

1. Волков И. А., Музыченко В. П. Лоскутное одеяло для одинокой женщины. М. : Мысль, 1993. 144 с.
2. Гурко Т. А. Социология пола и гендерных отношений // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М. : Ин-т социологии РАН, 1998. Гл. 8. С. 173—195.
3. Де Гольжак В. История в наследство: семейный роман и социальная траектория / пер. с фр. И. К. Масалкова. М. : Ин-т психотерапии, 2003. 233 с.
4. Деточенко Л. С. Социально-демографическое измерение экзистенции одиночества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики : в 2 ч. Тамбов : Грамота, 2014. № 7 (45), ч. 1. С. 47—50.

5. *Климентьева Е. Н.* Одиночество как социальная проблема современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение. 2009. № 3. С. 97—101.
6. Лабиринты одиночества : сборник статей / под ред. Н. Е. Покровского. М. : Прогресс, 1989. 624 с.
7. *Либина А.* Чтобы не осталась женщина одинокой : психология совладания с кризисами и сложными жизненными ситуациями. М. : Селена, 1995. 560 с.
8. *Никулина С. А.* Особенности индивидуальности одиноких женщин. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/VIII/uch_2008_VIII_00013.pdf (дата обращения: 21.07.2014).
9. *Осухова Н. Г.* Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях. М. : Академия, 2007. 288 с.
10. *Пузанова Ж. В.* Проблема одиночества : (социологический аспект). М. : Изд-во РУДН, 1998. 58 с.
11. *Рогова Е. Е.* Одиночество в условиях современного общества : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2012. 297 с.
12. *Хвостов В. М.* Женщина и человеческое достоинство : историческая судьба женщины. Природа женщины. Женский вопрос. М. : Леман и Плетнёв, 1914. 510 с.
13. *Шитова Н. В.* Социально-психологические особенности одиноких женщин : дис. ... канд. психол. наук. Воронеж, 2009. 186 с.
14. *Шитова Н. В.* Феноменология одиночества: возможные причины женского одиночества и психологическая характеристика личности одиноких женщин // Территория науки. 2007. № 2. С. 282—286.
15. *Эльячефф К., Эйниш Н.* Дочки-матери: третий лишний? М. : Ин-т общегуманит. исслед., 2013. 446 с.
16. *Vem S.* The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42. P. 165—172.

ББК 66.1(2)53-17

Н. Н. Козлова

ГЕНДЕРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ВИЗАНТИЗМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Современные исследователи российского консерватизма отмечают актуальность обращения к созданной в его рамках в XIX — начале XX в. политической теории [30, с. 5—6]. Тексты теоретиков российского консерватизма в постсоветском научном гуманитарном сообществе переинтерпретируются в соответствии с новыми вызовами политической реальности и в связи с последними, разработанными в рамках социогуманитарного знания методами анализа нарративных источников. Политическая мысль консерватизма, развивавшаяся изначально в России в условиях монархического политического порядка и концентрировавшаяся на теоретическом обосновании его фундаментальной ценно-

---

© Козлова Н. Н., 2014